

ОЛИВИЯ
ЛЕЙК

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Мой
БЫВШИЙ МУЖ

БЫВШИЕ

Оливия Лейк

Мой бывший муж

«Автор»

2022

Оливия Лейк

Мой бывший муж / Оливия Лейк — «Автор», 2022 — (Бывшие)

"Я не хотел терять семью, но не знал, как удержать! Меня так злило это, что налет цивилизованности смыло напрочь. Я лишился Мальвины своей, и в отместку сердце ее разорвал. Я не хотел быть один в долине потерянных душ. Эгоистично, да, но я всегда был эгоистом." (В)"Вадим был моим мужем, но увлекся другой. Кричал, что любит, но явился домой с недвусмысленными следами измены. Не хотел терять семью, но ушел. Не собирался разводиться, но адвокаты вовсю готовят документы. Да, я желала бы встретиться с его любовницей! Посмотреть на этот «чудесный» экземпляр." (Е)Есть ли жизнь после развода? Катя Полонская упорно ищет ответ на этот вопрос. Начать самой зарабатывать, вырастить дочь, разлюбить неверного мужа - цели номер один. Только Вадим Полонский имеет на все свое мнение и исчезать из жизни бывшей жены не собирается!Простить нельзя, забыть? Простить, нельзя забыть? Сложные вопросы и сложные ответы. Боль, разлука, страсть, любовь. Победит сильнейший.Содержит нецензурную брань.

© Оливия Лейк, 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Оливия Лейк

Мой бывший муж

Пролог

Вадим

– Мишань, ну там как-то порезвее можно? Мне опаздывать никак нельзя, – я отвлекся от просмотра договора с Минстром и досадливо цокнул, оценив затор на Баррикадной.

– Вадим Александрович, пять минут и на месте будем, – уверенно, даже вальяжно ответил он. Я предпочитал сам водителем быть, тем более мой хищный четырехколесный друг почетче будет, чем эта неповоротливая «Bentley Continental», но мне сегодня тачка представительская нужна, а не пижонский «Maserati».

У меня обед с новым председателем государственной жилищной комиссии от Минстра. Нужно правильное впечатление произвести и бабок, естественно, занести, чтобы палки в колеса не вставляли.

У меня фирма-застройщик надежная, с репутацией и инвесторами по всему миру, но когда это останавливало желающих навариться. Элитный жилой комплекс застрял на стадии разрешения от госкомиссии. Мы еще вчера начать должны были, а тут проволочка на проволочке. Попали в смену руководства, пришлось терпеливо ждать. Надеюсь, теперь дело пойдет быстрее. Задобрю очередного пузатого бюрократа и спать спокойно начну.

Я вошел в ресторан «Balzi rossi» и сразу наткнулся на огромную реплику греческого Аполлона. Скривился, подумав, что чиновникам всех мастей нравится безвкусный пафос: колонны, статуи, виноградные лозы – теперь вот есть придется, глядя на причиндалы из гипса.

– Вадим Александрович, прошу, – передо мной лебезил советник центрального департамента по строительству. Я регулярно подкармливал его, чтобы в нужный момент поддакнул по требованию. – Она уже ждет.

Она?! Неужели женщину назначили? Я не сексист, но со слабым полом решать вопросы сложнее. Слишком эмоциональные.

– Виктория Сергеевна, позвольте представить генерального директора и основного учредителя девелопер-корпорации «Вершина», Вадима Александровича Полонского.

Он говорил, а я взгляда от женщины оторвать не мог. Неужели Зимина? Столько лет прошло, но я узнал. А как тут не узнать! Одноклассница, отличница, красавица, любовь моя первая.

– Вика? – неожиданно для себя отбросил этикет.

– Виктория Сергеевна, – официально поправила она, но зеленоватые глаза улыбались.

Через сорок минут, когда мы запили авторское меню прохладной лавандовой водой, и соточкой коньяка для Медринского, мы с Викторией Сергеевной пожали руки. Потом выпроводили советника и вдвоем остались, сбросив маски незнакомцев.

– Сразу узнал? – с улыбкой спросила Вика. Я только кивнул, задумчиво рассматривая ее. – Неужели не изменилась? Больше пятнадцати лет прошло...

Изменилась ли? Пожалуй. В семнадцать у нее не было пронизательного взгляда, плавности движений и таких сисек. Да, я мужчина и такая выдающаяся грудь просто не может остаться незамеченной. Но прежними остались зеленовато-карие глаза, золотистая кожа и улыбка.

– Изменилась, – медленно произнес, взвешивая каждое слово, чтобы лишнего не взболтнуть. – Но я слишком хорошо тебя помню.

Вика слегка смутилась, вероятно, предположив, что я не забывал. Нет, госпожа чиновник высшего разряда, я не думал о тебе все эти годы. Но встреча приятная, не скрою. Расстались мы жестко, но сейчас подростковые эмоции поутихли, и увидеть человека из далеко прошлого – близкого человека – приятно.

– Ну а ты? – она, не скрывая интереса, внимательным взглядом прошлась по мне.

– Изменился в худшую сторону? – иронично приподнял бровь я.

– Нет, – теперь она была загадочно задумчивой, – мужчин возраст только красит. В отличие от женщин.

Я рассмеялся. Напрашивается на комплимент? Я сделаю и не для того, чтобы польстить, а потому что это чистая правда. Зимина была хороша: яркая сочная красота, приправленная манящей женственностью. Ей тридцать пять, как и мне, и Вика цвела до сих пор. Похвально, что ценит и ухаживает за своим телом.

– Ты очень красивая, Виктория Сергеевна, – поддел, напомнив ее первоначальный официоз. – Как дела у тебя вообще? Помимо новой работы.

Я действительно ничего не знал о ней. Поначалу запретил себе интересоваться, потом забыл. Сначала блядствовал беспробудно, перескакивал с юбки на юбку, потом Мальвину свою встретил, и жизнь совсем другой стала.

– По-разному, – уклончиво ответила Вика. – Во Франции жила, школу изящных искусств окончила. Архитектуру изучала. В итальянца одного влюбилась.

– В Париже с итальянцем? – я не сдержал сарказма.

Она только рукой махнула, мол, неважно как.

– Знаешь, европейские мужчины, в особенности с юга, как дети. Ты для них либо слишком sweet и будешь во всем зависеть. Либо слишком strong, и задавишь его тонкую душевную организацию.

– А ты, что ли, замуж прилетела выходить? – спросил, резче чем стоило бы.

– Нет, домой, в Москву, потянуло, – Вика сделала вид, что не заметила моей грубости. – А ты как? Слышала, женился? – спросила без кокетства или ехидства, неподдельный интерес. Чисто женский, но искренний.

– Женился, дочери уже восемь. А ты откуда узнала? Не общались ведь.

– У отца спросила, – честно призналась Вика. – Ты меня тогда так не по-детски послал, что предлагать дружбу посчитала бессмысленным.

– Мне семнадцать было: молод, горяч, – бесстрастно ответил. Сейчас той ярости уже нет, но, да, дружить нам было бы странно.

Мы в десятом классе встречаться начали: какие страсти между нами кипели! И на выпускном, пока все рассвет на Москворецком мосту встречали, мы желаниям юности и плоти потакали. Первые друг у друга. Хорошо было по определению: молоды, влюблены и долго-долго ждали. Мы вместе в Штатах учиться собирались, но Вика внезапно хвостом махнула и во Францию умотала. И да, я жестко прошелся по ней: резкий и злой, брошенный – не щадил ее и слов не выбирал.

Вторая причина невозможности нашей дружбы – моя жена. Катя бы не поняла. Она не ревнивая, но лучше не доводить до греха. В дружеские отношения между мужчиной и женщиной она не верила – в них всегда кто-то рассчитывает на близость. Я был с ней согласен. Тем более дружить с женщиной, с которой секс был – я фыркнул даже. Если бы жена мне друга показала, который хотя бы руку на ее грудь положил – вырвал бы лапу с корнем!

– Вадим, – замялась поначалу Вика, – я знаю, что поздно и, вероятно, совсем не нужно, но хотела рассказать: я не поступила в Йель, не взяли меня. И так стыдно признаться тебе было... Потом так жутко поругались... В общем, надеюсь, мы сможем нормально общаться и работать вместе. Сможем без оглядки на прошлое?

Интересно, что она услышать хотела? Наверняка, ведь хотела. Ее признание сегодня ничего не изменит в нашем прошлом. Между нами это ничего не меняет. Мне все равно уже.

– Ну уж не такой я злопамятный, – произнес сухо.

Она улыбнулась краешками полных губ, счет позволила оплатить и поднялась. Руку мою приняла с благодарностью. Я предложил подвезти, и Вика согласилась. В машине наши бедра соприкоснулись случайно – абсолютно непреднамеренно! – и во мне всколыхнулось былое. Воспоминания и ощущения легким перышком мазнули по сердцу. Тогда я еще не представлял, как скрутят меня потаенные желания. Как в страстях порочных тонуть начну.

Водитель мой слишком круто вырулил с парковки, но я не обратил внимания, на профиль выразительный поглядывая, на изменения, с годами сделавшие девчонку настоящей женщиной. Вика выглядела сочным плодом, набравшим сладость и смелость, солнцем возвращенный. Медные густые волосы, глаза ясные, фигура умопомрачительная. Что внутри – еще предстоит узнать. Я отмечал все это как данность, не осознавая фатальности этой встречи.

Мы вылетели на Баррикадную, но я не понимал еще, что несусь не в дом правительства, а в новый мир. Что старый хрусталем, чистым и светлым, под ноги осыплется. Буду ли жалеть? Я этого не знал. Пока не знал.

Глава 1

Катя

– Так, девочки, не ленимся! Плие и раз, и два, и три. Сидим, терпим!

Сегодня Инна, тренер нашей мини-группы, молоденькая добрая девочка, просто зверствовала! Из зала мы выползали.

– Когда мне хочется плюнуть и бросить зал, я говорю себе: это все ради упругой задницы! – сказала Оля и хлопнула себя по обнаженной ягодице. Я тоже сбросила полотенце и выкрутила кран, направляя на себя горячую воду.

– Катька, вон, замужем, ей можно расслабиться, – она старалась перекрыть воду.

– С мужиками вообще нельзя расслабляться, – ответила Светка. – Они чуть что...

– Я все слышу! – предупредила, пока они мужа моего обсуждать не начали.

– Да ладно, Кать, мы знаем, что Вадим твой не такой, – кокетничала Оля.

– Тем более у тебя такая попка, – Светка по-дружески сжала мои ягодицы.

– Девочки, вы какие-то лесбиянки, – я натянула полотенце. – Вадиму ревновать пора.

– Да он не узнает.

– А вы знаете, какой я вывод сделала из годового отчета? – Светка спросила очень серьезно. – Что в премиум-сегменте мужа и жены вообще не посещают один фитнес-клуб. Вообще! Это я вам как директор продаж говорю.

– Интересно, почему? – округлила глаза я, словно не догадывалась. Ответ, собственно, на поверхности.

– Ясно почему, – пожала плечами Оля, – чтобы простор для траханья шире был. Фитнес-няшек натягивать.

Я мило улыбнулась. Мы с Вадимом тоже ходили в разные фитнес-клубы, и я уверена в свое муже, но подколки двух незамужних (одна – холостячка, другая – разведенная) породистых телочек надоели. Если Светка не со зла, то Оля порой выходила за рамки. Она в принципе достаточно случайная знакомая, которая прибилась к нам пару лет назад, да так и осталась. Это со Светкой мы с университета дружим.

– Да ладно, Катюш, – Света обняла меня. – Вадим до сих пор на тебя смотрит, как кот на сало.

Да, конечно. Конечно... Мы десять лет вместе, из которых девять женаты. Наши отношения начались так, что и представить нельзя было позитивный исход, но у нас дочь, семья и то самое: важное, крепкое, надежное. Влюбленность переросла в любовь. Мы были счастливы. Со своими взлетами и падениями, как все живые люди. Но не так давно у меня странное чувство внутри поселилось. Его сложно словами описать, но чувствовал такое хотя бы раз в жизни каждый. Узел в животе, тревога неясная, происхождение которой необъяснимо в принципе. Я постоянно перебираю в памяти события, дела, разговоры – понять пытаюсь, что беспокоит меня, но не нахожу очевидных причин. Наверное, за мужа волнуюсь. Он совсем загнал себя, решая проблемы с замороженной стройкой. Напряженный и раздраженный перманентно последний месяц. Иногда отстраненный и задумчивый, и всегда занятой. На семью времени мало остается. И на меня тоже.

Я совсем невесело улыбнулась, пока девчонки не видят: я счастливая женщина с крепкой задницей, которая изголодалась по ласке. У Вадима всегда был хороший сексуальный аппетит, но мы перестали совпадать: то он занят допоздна, то я умоляюсь и засыпаю, подушки коснувшись. Надеюсь, вопрос со стройкой скоро решится, и мы войдем в прежний ритм.

Вечером я собралась проявить инициативу вопреки всему. Давно я не искушала мужа!

– Папа! – Ника бросилась из ванной, услышав шаги. Вадим вернулся. Я не хотела заострять, но на часы посмотрела: время за полдесятого перевалило.

– А мама сказала: купаться и спать уже, – тем временем щебетала Ника.

– Ну, раз мама сказала, – он меня в макушку поцеловал и поставил дочь на пол. Она длинная такая стала! Когда на руки ее берет, становится сильно заметно, как Ника вытянулась! – Нужно идти. Ты купайся, а мама меня покормит, потом почитаю тебе. Идет?

– Идет!

– Привет, – я подошла и пиджак снять помогла. – Голодный? – спросила предельно ласково. Я изо всех сил сдерживалась, чтобы не упрекнуть в очередной задержке. Я не пила, но мы, семья, тоже нуждаемся во внимании. Вадим – руководитель, а одно из главных умений эффективного менеджера – уметь делегировать! Почему в этот раз он лично и очень глубоко контролирует процесс – мне не ясно.

– Очень, – задумчиво ответил и отправился во вторую ванную. Пока я накрывала к ужину, а Вадим душ принимал, Ника искупалась и объявила, что опять голодная. Они еще час возились в столовой, потом читали. В одиннадцать он вышел из детской – наконец мы вдвоем остались!

– Кать, мне поработать еще нужно, – он обнял сзади и легко в щеку поцеловал. – Сделай, пожалуйста, кофе.

– Кофе?! – воскликнула я, и тон был возмущенным. Это сколько Вадим сидеть собрался?! – Ты спать вообще как будешь?!

– А я спать не хочу, – достаточно прохладно сказал и в кабинет ушел.

Вот теперь я точно женщина-пила. Мне муж сказал, что ему поработать нужно, не в баре же с друзьями (а еще хуже – с подругами) покутить, а я раздражаюсь. Окей, буду исправляться.

Сделала американо, на блюдце кусочек горького шоколада положила и маленький стакан прохладной воды. Поднос взяла и пошла извиняться.

Я вошла тихо. Вадим даже головы не поднял, прокручивая мышку. Сейчас это было даже на руку. Я мягко ступала по ковру и на мужа смотрела: в мягком полумраке, освещенный настольной лампой, он был серьезным и сосредоточенным. Густые брови сведены, темные волосы еще хранили прозрачную влагу, белая майка натянулась на широкой груди. Вадим по молодости занимался боксом: выступал как легально, так и подпольными боями развлекался. Тренировками он не пренебрегал до сих пор, поэтому в тридцать пять имел не просто хорошую форму – у него было крепкое мускулистое тело с длинными ногами, широкой спиной и гладкой бронзовой грудью. Мой муж был красивым мужчиной, правда, характер не всегда ангельский. Вадим видел цель и порой совсем не видел берегов. Возможно, если бы он сдался после моего десятого (даже не первого!) отказа, я бы сейчас не приносила ему кофе в двенадцатом часу ночи.

– Ваш кофе, господин Полонский, – игриво произнесла и на стол поднос поставила. Я без приглашения уселась к нему на колени и обняла за шею. Шелковая сорочка задралась, оголяя гладкие бедра, а бретелька упала, сексуально подчеркивая грудь.

– Черт!

Я, кажется, мышку толкнула и одно из окон на мониторе закрылось.

– У меня завтра важные переговоры, и нужно подготовиться, а ты отвлекаешь, – сказано беззлобно, но я напряглась. Муж у меня всегда занятой и не раз раздражался, если мешают работать, но сейчас покорило особенно.

Но я постаралась не заострять на этом внимание, а губы поймала – все равно уже отвлекла! Но Вадим отстранился и начал что-то активно набирать на компьютере.

– Что-то случилось? – тихо спросила я.

– Нет, с чего ты взяла?

Меня пронзило стойкое ощущение, что я в мысли его залезть хочу, а он не желает туда пускать. Вадим всегда делился проблемами, почему же сейчас отстраняется?

– Не знаю... Ты напряженный какой-то.

– Да в жилищном ведомстве председатель новый мозг трахает. Решить с ним нужно.

– Ясно... – я поднялась, не желая дальше навязываться. Сейчас мой муж какой-то не мой. Уже в дверях обернулась: – Я люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя, Кать, – очень серьезно ответил Вадим. Я улыбнулась: он был искренним. За десять лет у нас разные встряски бывали: Вадим днями и ночами на объектах пропадал. Наверняка, опять взятки давать будет. Ненавижу наш государственный аппарат. Одна коррупция и блат. Муж принимал эти правила игры (у самого отец всю жизнь у власти: и мэром, и губернатором был, сейчас министр), а меня корежит от этого. Поэтому Вадим и не вовлекает, чтобы не пригорало у меня.

Я вышла из кабинета, но в спальню не пошла. Мне всегда плохо спалось, если его рядом нет, поэтому взяла ноутбук и отправилась на балкон-лоджию. Она была большой, теплой и очень уютной. Я совместила прованс и кантри и получила нежное женское убежище. Мой кабинет.

Я поставила стеклянный чайник на подставку и зажгла под ним свечу. Понюхала вазу с бледно-желтыми чайными розами и чиркнула длинной спичкой – толстые свечи на широком подоконнике замерцали оранжево-синим пламенем. За окном мело снегом, а у меня тепло и пахнет медом. Я так увлеклась, составляя расписание новых учеников на онлайн-платформе языковой школы, изучая их анкеты, что потеряла счет времени. Поэтому только глазами хлопнула, когда Вадим наехал на меня.

– Три часа ночи, ты что сидишь?

– Тебя жду, – совершенно недоумевала я.

– Жена ночью обычно в кровати ждет, а не прячется в темноте.

– Здесь не темно, – вяло огрызнулась я. Видит бог, я была очень терпеливой сегодня! Поднялась и свечи гасить начала. – Может нужно было ноги раздвинуть и молча ожидать твоего королевского внимания?

– Лучше в позу собаки.

– А хвостом повилиять? – я начинала злиться, а Вадим, кажется, забавляться. И возбуждаться. Это стало заметно.

– А у тебя есть хвост? – он игриво схватил меня за подол сорочки. Я не собиралась сдаваться и подхватывать настрой. Я обижена!

– Не покажу и вообще я спать.

– Поздно спать.

Вадим по-хозяйски притянул меня к себе и сдернул шелковую комбинацию, до боли агрессивно сжал бедра и в себя впечатал. Мягкие штаны не сковывали налитую плоть, давая в полной мере ощутить мощь и силу. Крепким и большим у Вадима было не только тело. Он усадил меня на широкую перегородку и впился в груди, покусывая соски.

– Ай! – шумно втянула воздух я. Было больно. Но он не среагировал, с какой-то отчаянной дикостью набрасываясь на мое тело. Словно видит впервые: изучает стремительно, покоряет без права на отказ, страстью хмельной опьяняет. Будто отберут, отнимут.

Вадим майку стянул и, отбросив, резко перевернул меня, ставя в пресловутую позу собаки. Я оказалась высоко – пристроиться сзади не так-то просто, – но все равно удивилась, когда широко ноги раздвинул и нежно языком промежность лизнул.

Вадим дразнил клитор и одновременно жестко трахал меня пальцами. Я обильно потекла, тихо постанывая, двигаясь в такт, подчиняясь его ритму, принимая в себя башенный напор. Мы уже не так часто меняли места для секса (редко, если быть откровенной), а зря. И пофиг, что коленкам больно!

– Стони громче, Мальвина... – горячо прошептал на ухо, но я сдерживалась, опасаясь, что дочь услышит. Вадим принял это по-своему: недостаточно остро, чтобы кричать. Надавил на затылок и бедра, прижал меня к крышке, распял буквально и жестким членом протаранил вход. Я была готова, но все равно ощутила вторжение резкой вспышкой боли. Вадим навалился на меня сверху, прижал мускулистым телом, расплющив груди.

Грубые, жесткие и резкие толчки, сильные пальцы на моих бедрах, а длинные волосы в крепком захвате. Вадим сегодня в принципе был агрессивен: не только в бизнесе, но и в сексе.

– Погладь меня, – рвано попросила, понимая, что для меня это слишком. Сзади я всегда очень остро чувствовала, как длинный ствол бьет в шейку матки.

Вадим только нарастил темп, не слыша меня, вбиваясь, как безумный. Я вцепилась одной рукой в деревянную крышку, другую просунула под живот, ниже, к клитору разбухшему. Каждое башенное движение толкало меня на пальцы, раздувая пламя, разожженное умелым языком.

Я не успела кончить; Вадим вонзился в последний раз и вытащил член, кончая мне на ягодицы и спину, словно метил и так свою территорию. Я предохранялась, но раз у него дикарское настроение, пускай.

Я собиралась пальчиками доработать, но муж снова резко перевернул меня и губами впился в самую сердцевину моей женственности. Дико и властно, и я улетела на небо секунд за двадцать максимум.

– А-аа... – теперь я стонала очень громко. Когда открыла глаза Вадим задумчивым взглядом блуждал по моему лицу.

– Что? – я была смущена тяжелым молчанием, даже ноги свела.

Он мотнул головой, чмокнул меня в коленку и в душ пошел. Когда я сама привела себя в порядок и пришла в спальню, Вадим уже спал. На животе, подушку в сторону отбросил, одеяло откинута. Я осторожно села рядом, темные густые волосы сквозь пальцы пропустила. Вадим даже во сне напряженно хмурился. Я по бровям легонько провела, успокаивая, разглаживая.

– Что происходит с тобой? – тихо спросила. – Что мучает тебя...

Вадим

– Мы изучили нормативную документацию и готовы одобрить проект строительства, – деловито сказала Вика, когда мы остались вдвоем в кабинете. Аллилуйя! – Но нужно сменить генподрядчика.

Что?! Какого хрена?! Мы с «Трелоней» уже пять лет работаем, лучшее качество по адекватной цене.

– Виктория Сергеевна, – когда мы говорили о делах, то переходили на полные имена, не без сарказма, естественно, – на каком основании?

Сейчас мы одни были, можно и оставить демагогию и дипломатию.

– На том, что это сократит неоправданно завышенные сметы.

– Сомневаюсь, что уважаемая комиссия о деньгах «Вершины» беспокоится, – сухо прокомментировал я. Естественно, я понимал, к чему она клонит. Своих откатчиков поощряют.

– Я думаю, вы знаете, что делать с разницей в сметах, – про между прочим бросила Вика.

Зими́на очень быстро влилась в систему, что неприятно с точки зрения финансов, но восхищало силой и хваткой. Я был абсолютно необъективен, потому что совершенно не в моих правилах восторгаться чиновниками, которые на взятки намекают. Но Вика неожиданно хорошо разбиралась в этапах строительства, точно подмечая нюансы. И ее женское очарование меня покорило, хотя она никак не поощряла и не распаляла интерес. Даже флирта не допускала, только взглядом ярким порой на мне замирала, думая, что не вижу. А я гнал от

себя порочные мысли, но напряжение зашкаливало, и иногда приходилось останавливать себя, когда уже в мечтах раздел ее и тело сочное губами изучал.

Я и сейчас тряхнул головой, отворачиваясь, сбивая градус: из паха дым повалит, если не успокоюсь.

– Мне льстит, что сама госпожа председатель государственной жилищной комиссии заботится о моем бизнесе, – иронично ответил я.

– А мне льстит, что генеральный директор такого крупного бизнеса лично занимается бумажной волокитой.

Да, в этот раз я очень глубоко закопался в проект.

Она протянула мне руку, и я коснулся ладони. Меня прострелило электричеством, и Вика как-то шумно выдохнула, но пальцы не выдернула. Мы так и стояли, молча сжирая друг друга глазами. Она тоже чувствовала тягу запретную, теперь точно знаю. А холодна и дистанцию держит по понятным причинам. Я тоже морально ориентируюсь на свой брак, но сложно с искушением бороться. Очень сложно. Но я стараюсь.

Даже дома тяжело становилось оставаться в реальности и не падать в объятия к недопустимым мыслям. Это трудно контролировать: управлять желаниями невозможно. Я люблю жену. Люблю Мальвину свою. Но сейчас, когда обнимает, мне других прикосновений хочется. Ее близость не раздражала, но я опасался, что этот момент настанет. И я боялся его. Если бы можно было вырвать влечение к Вике, я бы с корнем дернул и выбросил, не жалея, но порок и соблазн коварны, и я горю в них.

Дверца душевой открылась, и я ощутил гибкое горячее тело, прильнувшее сзади. Руки нежные на спине. Это не Вика, о которой думал сейчас. Это Катя, жена моя.

– Ты не против совместного душа? – весело поинтересовалась, скользя по напряженному животу к паху.

Я сделал раньше, чем головой осознал. Руки убрал и повернулся к ней лицом.

– Я уже выходил, – и легко в лоб ее поцеловал. Катя ошеломленно длинными темными ресницами хлопнула, но руки убрала.

Я схватил пушистое полотенце и лицо вытер. Блядь, я что, только что жене в сексе отказал? Рядом не захотел находиться? Меня испугало это. Повернулся к запотевшей стеклянной двери, проникнуть взглядом внутрь попытался: шумела вода, а мне Катины слезы слышались.

– Нет, это херня не здоровая, – тихо выругался и вернулся обратно в парное море.

Катя стояла ко мне спиной, подставляя лицо обжигающим струям, а руками с гелем скользила по стройному телу.

Она была высокой: с бесконечно длинными ногами и плавной линией спины. И задницей, упругой, круглой. Светлые волосы потемнели и отяжелели от воды, спускаясь до самой талии. Совершенство, и это я не льстил своему выбору спутницы жизни, это было сущей правдой. С первого взгляда, как увидел – запал крепко, никогда о другой не думал, и от этого разрывало меня: от стыда, двойственности положения, от того, что смотрю на женщину, которую клялся не обижать, а в мыслях предаю. Но сейчас некогда было терзаться душевно, первобытное и дикое вытеснило из головы муки совести. Возбуждение хлынуло внутрь, заставляя ствол напряженно подрагивать, а головку пульсировать от притока жизни.

– Ты что-то предложить хотела, м? – теперь я прижался к ней сзади, такой хрупкой в моих объятиях. Для высокой женщины, Катя была поразительно изящной и женственной, с узкими ступнями и тонкими щиколотками. Не тумба квадратная.

– Ты вроде бы ушел? – она повернулась и подбородок надменно вздернула. Обиделась.

– Я вернулся, – и большим пальцем по губам провел, оттянул нижнюю и нырнул подушкой во влажную теплоту. Член отозвался болезненной тяжестью. Он тоже хочет в рот.

Другую руку между стройных ног запустил, раскрывая нежные нижние губы. Пальцем вторгся во вход и смазку хрустальную собрал. Злитесь, но возбуждена. Всегда была порывистой

и характерной, возраст и материнство смягчили, конечно – теперь мы умеем компромиссы находить, – но суть-то прежняя осталась.

Я надавил на плечи, чтобы вниз опустилась и толкнулся в жаркий рот. Катя брала очень естественно, без выкрутасов горловых, но горячо и с душой. Разгонять кровь по венам, чтобы прилиwała туда, куда нужно, умела. Вот и сейчас ни о чем не думал, только как поршень ритмично стремится к точке наслаждения.

– Потрогай себя, – хрипло велел и ладонь на корень положил, освобождая ей руки. Катя мигом воспользовалась моментом и теребить горошину начала. Я видел, как распяляется она. Как дрожит пружиной тугой. Как разжимается, взрываясь оргазмом. Меня подхлестнуло это и агрессивней, напористей входить начал. Сминая барьеры, проталкиваясь глубоко в горло. У нее слезы из глаз брызнули, а я вбивался крепче, жестче, закручивая спираль удовольствия.

– Потерпи, Мальвина моя, – и с силой волосы потянул. Головка взорвалась фонтаном, когда в последний раз задвинул и резко вышел, кончая на шею и грудь. Меня возбуждало семя на прекрасном женском теле. Катя моя жена и у нас нет и не может быть запретов.

– Иди сюда, – я подхватил ее легко и поцеловал в пухлые растрепанные губы.

– Полонский, ты дикарь, – рассмеялась она, когда мочалкой начал намыливать, как маленькую.

В постель я лег почти счастливым, только уснуть не смог. Спокойствие как ветром сдуло – пришлось подняться. Покурить захотелось.

– В жопу айкос, – тихо выругался и достал пачку «Парламента». Открыл балконную дверь с крохотным декоративным поребриком и вышел в морозную февральскую ночь. Голый торс тут же огнем загорелся, будто иглы раскаленные воткнули, но я прикурил, молча созерцая зимнюю ночную Москву.

Какая же это жесть пытаться усидеть сразу на двух стульях. С Катей хорошо было, приятно очень, но слишком привычно, обыденно. Мы десять лет вместе и наша неумная страсть стала спокойней. Но мне грех жаловаться: я все еще хочу жену, и выглядит она так, что невозможно остаться равнодушным, но... «Но» есть всегда. Я Вику встретил, и она искристым шампанским на меня пролилась. Былое напомнила. Юность нашу разрывную. Не зря же говорят, что чем старше становишься, тем прошлое ярче вспоминается. Деревья были зеленее, мороженое вкуснее и прочая ерунда старых пердунов. Я бы подумал, что таким же стал, если бы не со стояком перманентно ходил.

Я ведь обещал Кате, Мальвине своей, что не обижу, не предам, что мне довериться можно, а сейчас не уверен, что сдержу слово. А если трахнуть Зимину по-тихому, отпустит? Катя об этом и не узнает никогда. Психологи ведь велют закрывать гештальты.

– М-да...

Один раз не пидарас, конечно, но стоит единожды за черту заступить, принципы нарушить и границы дозволенного неминуемо размоются. Так в бизнесе, в политике, в любви и в верности этому чувству и женщине, к которой его испытываешь.

Я затушил окурок. Рассуждал по-гандонски, но честно. Член в узел завязать можно, но с притяжением бороться сложнее. Две женщины в жизни – такие качели до блевоты укачивают. Нехилый вызов моей выдержке. Не треснуть бы.

Замерз я прилично, ничего так и не придумав, уснул с мыслью, что Кате нужно подарить что-нибудь впечатляющее. Походу, уже «извиняться» начинаю...

Глава 2

Вадим

– Елизавета Борисовна, проконтролируйте, чтобы ваш отдел подготовил расчеты, и составьте корректную смету с учетом расценок нового генподрядчика.

– Будет сделано, Вадим Александрович.

Я кивнул, отпуская ее, и на Костика, нашего архитектора и друга по песочнице посмотрел.

– Кость, сгоняй к ним, убедись лично, что они не рукожопые ставленники системы.

Он взглядом финдира проводил и, дождавшись, когда дверь закроется, крепко выругался:

– Пиздец, Дым, на что ты подписался! Я тебе и так про этот «Спектор» расскажу: работают на господрядах, бабки берут бешеные, делают нормально, но материалы используют говенные, чтобы в карман положить побольше.

Я закатил глаза. Думает, я не знаю!

– Таково условие Минстроя. Нам проект реализовать нужно, инвесторы ждут, дольщики «пятна» раскупили уже. А материалы закупать и контролировать будут наши бригады. «Вершина» за качество отвечает.

– Дешевле было денег сразу в комиссию занести, – проворчал Костик. – Или трахнуть Зимину, чтобы уступчивее была. Принципиальная стала, что ты, что ты!

Я зыркнул на него предупреждающе. С Викой сам разберусь. Если ее кто-то и трахнет из компании, то только я. Гадство! О чем я вообще?! Крамольные мысли посещали неосознанно, даже притормозить не успевал. Вопреки, сука, всем доводам рассудка. Никто ее не трахнет! Раз мне нельзя, значит, никому нельзя!

– Дым? – вопросительно позвал Костик.

– У тебя серьезно с ней?

Волнуется. Катю знает хорошо, дочь мою крестил, другом верным был. Предостеречь хочет. Для него Виктория Зимина – девчонка, за которой я по юности волочился. А для меня привет из прошлого, неожиданный, но очень приятный.

– Нет у нас ничего. Я жену люблю. А Вика... – я кулаки сжал. – Наваждение какое-то. Детство наше вспомнил...

– Ну вы с ней совсем не по-детски развлекались вроде, – хмыкнул Костик. Я впечатал в него еще один взгляд, такой, чтобы сразу наши спарринги на ринге вспомнил. – Понял, не дурак. Ладно, – он поднялся. – Советов давать не буду, – и на руки мои выразительно посмотрел. – Деньги на новые зубы есть, но они потом по цвету отличаются, – и гротескно улыбнулся. Зубоскал хренов.

Советы мне не нужны, мне бы душ ледяной в паховую область. С Викой мы не в песочнице сидели, а рассвет на выпускном встречали. Так встречали, что кровь от одного воспоминания бурлит: первая любовь, первый секс, нам по семнадцать, и мир вокруг играл яркими красками. А потом все накрылось медным тазом. Толстый слой цинизма, сухой расчет и здоровый эгоизм в кожу вросли, и мир уже не тот. И мы не те, но ностальгия нахлынула при встрече.

Звонок отвлек от самобичевания, не слишком активного, к сожалению, а на дисплей взглянув, совесть тут же забила в самый дальний уголок души.

– Добрый день, Виктория Сергеевна, – нарочито официально поздоровался, отъезжая от стола и разворачиваясь к окнам, на скованную льдом Москву-реку глядя.

– Я получила ваш подарок, Вадим Александрович, – она поддержала игру. – Не нужно было, Вадик. Это слишком.

А голос томный, мурлыкающий, ни единой ноты протеста.

– Не понравились часы?

– Понравились, но это дорого для делового партнера.

– А для друга? – тихо спросил, словно на ухо непристойности шепчу и меня услышать могут.

– Друзья дарят такие подарки лично.

Бинго! Это очень толстый намек на не менее толстые обстоятельства. До этого она дистанцию держала, словно «не родные». На ланч согласилась по-дружески, а потом весь неформат рубила на корню. Но на взгляды отвечала, касания случайные не пресекала, а вот нарочные отвергала. Я ведь женат, а она цену себе знает. Но сейчас остро чую – переменялась Виктория Сергеевна.

Я руку на член вздыбленный положил. Ведь не касался ее интимно, не нарушал приличий, а весь каменный. В мечтах мы во всех позах друг друга попробовали (не так робко, как в первый раз было), но это в голове только. В мыслях ведь можно? Это ведь не измена?

– Давай поужинаем сегодня вечером, и я еще раз тебя с Днем строителя поздравлю.

Низкий грудной смех опередил мягкое «давай». Я улыбнулся, пока не представляя, на какой тонкий лед ступаю. Но я не провалюсь в колючую зимнюю воду. Я всегда выигрываю.

– Заеду в восемь, – и отключился, не прощаясь. Увидимся еще. – Ксения, бронируй на восемь столик в «Сахалине», – велел по селектору и откинулся в кресле, виновато виски массируя. Отпустило меня тут же, разом просто. Все-таки окатило ледяной водой.

Ну и нахрена, а? НАХРЕНА?! Это я себя спрашивал. Внутренний голос тот еще предатель, зашипел, что я в одном шаге от настоящей измены, физической. Я ведь ничего пока не сделал, а перед Катей уже виноватым себя чувствую. Бог порока скрутил меня все же.

– Черт! – выругался тихо и снова кнопку нажал. – Ксюш, закажи тюльпаны розовые, самые лучшие и ко мне домой отправь.

– Карточка как обычно? – деловито уточнила.

– Да, – коротко бросил.

Я тебя люблю

Привычное признание теперь звучит как извинение, а цветы – как оправдание моего морального падения. Прости, что другой увлекся. Прости, что обманываю. Прости, что мечтаю не о тебе...

Наверное, смелый мужчина должен признаться, что испытал искушение, и вместе с женой преодолеть кризис. Но я даже в мыслях представить не мог, что Катя узнает: до сих пор максималистка с принципами и верой в нерушимость брачных обетов. Ее реакция понимающей и всепрощающей точно не будет. Да и я ни хрена не смелый, но упертый и целеустремленный. Сам выплыву из долины искушения с медно-каштановыми волосами, золотой кожей и фигурой богини сладострастия. И вообще, я ничего не сделал еще! Судят за действия, а не за фантазии. Подарки, встречи, общение – чисто бизнес. Мне нужно строительство начать и в срок завершить. Это во благо моей семьи и фамилии Полонских. Не более.

Это я не себе, это я жене лгать буду, если придется. Катя не поймет и не примет такой формат общения, да еще и с женщиной, с которой секс имел. С первой любовью. Тем более если мысли мои порочные прочтает: пошлые, страстные, жаркие и все не о ней.

Телефон снова затрещал. Катя.

– Привет, Мальвина.

– Дим, ты сегодня сильно занят? – осторожно поинтересовалась. Что-то случилось. Точно.

– Вообще да. Встреча важная вечером, а что?

– У Ники открытый урок по гимнастике перенесли на сегодня, приедешь?

– Кать, ну сложно это. Я специально пятницу расчищал для этого, – да, сегодня не очень удачное время: или для ужина, или для урока. Не определился еще.

– Я знаю, но Ника так ждала, трюки свои показать хотела.

Если жене я еще умел отказывать, – когда пределы разумного переступала, – то дочери нет. Она могла веревки из меня вить, единственное спасало, что воспитали адекватной – без синдрома «хочу, дай, купи». Но это, естественно, не мешало мне заваливать Нику подарками, ей и просить не нужно.

– Ладно, – улыбнулся я. – Чего не сделаешь ради всяких пассе и шпагатов.

– Она еще вечером заставит тебя стопы тянуть! – звонко прыснула Катя.

– Ой нет! – боже упаси! У меня не дочь, а Гитлер в юбке, когда тренера из себя строит. – Кать, мне уехать нужно будет в семь. Очень важная встреча за ужином.

– Хорошо, Полонский, отработаешь семейные часы в пятницу.

– Ночью отработаю, – пообещал, но, скорее, себе, чем ей. Мне срочно нужно трахнуть жену и желательнее в особо изощренной форме. Чтобы взрыв, фейерверк, искры посыпались. Чтобы накрыло по новой. Чтобы отпустила страсть запретная.

– Целую, Дим.

– Целую...

Я поднялся и вышел из кабинета. На объект нужно съездить. Хорошо, что не все стройки такие, замороженные как Пресня. И не везде на поклон в жилищное ведомство идти нужно. Опасный экземпляр там председательствует.

К Лужникам подъехал, немного опаздывая. В пробке на Кольце постоять пришлось. Припарковался и на всякий случай роскошный букет красных роз, крупных, сочных, в багажник переложил. Мне Вику еще раз с праздником поздравить нужно. Хотел выбрать что-то менее говорящее, но запарила эта двусмысленность. Я хочу ее. Меня желание неудовлетворенное сжигает. Терзает тело и душу мутит. Мне утолить его нужно, или хотя бы сублимировать во что-то. Я не мог прийти в ресторан с елкой в руках, чтобы увидела до чего довела. Тоньше, деликатней быть нужно.

Поднялся наверх, кивая родителям, которых помнил весьма смутно. Вон та женщина в брючном костюме вроде мама Таси, подружки Веронички нашей.

– Привет, – я сел рядом с женой, убрав элегантную сумочку с логотипом «Chloé», которая за мной место застолбила, – прости, опоздал. Поздно выехал с объекта.

– Да ты не пропустил ничего. Только начали, – и пальцем по щеке провела: – Спасибо за цветы.

Я слабо улыбнулся и обратил взгляд вниз. Нике помахал и на каждое движение, поворот, прыжок громко хлопал и пальцы вверх поднимал. Дочка была в восторге и выполняла элементы чисто.

Пока внизу юные гимнастки воду пили, огляделся коротко. В основном мамы пришли, но и папы присутствовали. В основном менеджеры среднего звена, но и парочка топов имеется. Но явно не из моего круга, не знаю никакого. Значит, по бизнесу не пересекались. Ну а бабы обычные, ничего особенного. Я на Катю посмотрел и залюбовался: она реально самая красивая женщина, и папаши со мной согласны, вон, слюни пускают, пока жены за детьми наблюдают.

Шерстяное платье грубой вязки модного нынче пудрового оттенка приятно глазу лежало на высокой груди и ноги бесконечные в кокетливых сапожках открывало весьма провокационно. У Кати были роскошные белокурые волосы: густые, длинные, естественные. Они сейчас заплетены в небрежную косу и лежали на плече, кокетливой волной красивое лицо обрамляли. Я не шутил, восхваляя красоту жены: скульптурно вылепленные скулы, губы пухлые, идеальная кожа и главное украшение – глаза. Бархатно-черные с искринками летней ночи и ресницами пушистыми. Потрясающая. Такая, что дыхание захватывало, а я смотрел и о дру-

гой думал. Не жену хотел в объятиях сжать, телом к телу обнаженному прижаться, ворваться яростно в тугое лоно... Блядь. Несет меня, пиздец как несет.

На дочь смотрю, радуюсь успехам. Такая красавица и умница, а внутри гаденькое чувство, заставляющее минуты считать и на часы смотреть. Не опоздать бы в ресторан. Это ведь не свидание, так, деловой ужин. И противно от собственной лжи стало.

– Уже идти нужно? – Катя заметила, что с «Ролексом» своим играю.

– Нет еще, – и за руку взял, пальцы прохладные сжал. Тонкие, длинные, изящные. На них четыре кольца и одно самое главное, то, которое надел, поклявшись в любви и верности. Я крепче стиснул ладонь. Катя повернулась и, нежно улыбнувшись, переплела наши пальцы. Я держался за нее, цеплялся, как утопающий за спасательный круг. Спаси меня, Катя, спаси! Пусть ее образ, вкус, запах, улыбка обворожительницы удержит от соблазна. Напомнит, кто главная женщина в моей жизни. Кто любимая.

А кто? Кто?!

Я хотел остаться прежним, но буквально физически ощущал, как наше время сквозь пальцы утекает. Стилой водой и слезами отчаяния через стиснутые ладони сочится. Меня рвало изнутри, корежило, ломало. Инвалидом делало.

– Кать, мне пора, – и поцеловал в висок. – Скажи Нике, что я люблю ее и она умничка.

– А меня? – тихо спросила. Вероятно, не хотела, чтобы наше сюсюканье услышали, а казалось, что сомневается. Чувствует зыбкость нашего счастья. Катя ведь сразу ощутила, но я не признался, наоборот, убеждал в обратном.

– И тебя, конечно же, – я не врал. Я ведь не врал?

В дверях все-таки обернулся. На нее взглянул. Катя смотрела вниз на юных дарований, не провожала меня взглядом. Красивая, легкая, безмятежная. Обернись, любимая, обернись. Почувствуй мое смятение. Поверь чутью, а не моим словам.

Дождаться действия своего призыва не стал. Знал ведь, что не отступлю, не смогу остаться. И я ушел. Проиграл в битве добра со злом. Яркий силуэт манил, а вокруг вязкая и мутная темнота...

Катя

– Какая Ника умничка, ни разу не заплакала на растяжке, а Таська, – Марина губы сжала укоризненно и достаточно громко Тасе сквозь зубы крикнула: – Хватит ныть!

Я рассеянно по плечу ее погладила. Знала, что мечтает дочь на Олимпийских играх увидеть. Но Таисия не оправдывала надежд: способная, но терпеть боль не для нее, а большой спорт – это кровь, пот и слезы. Ника, наоборот, все выдержит, но с артистизмом не задалось. И ладно: пока нравится, пусть занимается, а ломать ребенка ради медалей не будем.

– Надо построже с ней, – продолжала гнуть Марина.

– Тренера и без нас спуску им не дают, – возразила я и Нике воздушный поцелуй послала.

– Кать, мы столько бабок в этот клуб вбухали! Виннер мне обязана чемпионку сделать!

Я тактично промолчала, но иногда местные родители меня пугали своим фанатизмом.

– Димка уже козыряет перед родителями, что чемпионка растет. Он все меряется достижениями со страшим братом, – шепотом поделилась, склонившись надо мной, и досадливо рукой махнула. – У кого денег больше, жена краше, дети умнее.

Я украдкой взглянула на Дмитрия Умарова. Признаться, отец Таси мне не нравился. С кавказскими корнями и такими же деспотичными замашками. Марина даже грудь увеличивала, потому что ему нос родне утереть нужно было. Он давно обрусевший, но что-то в нем так и осталось от дикаря, с гор спустившегося. Я старалась быть толерантной и действительно считала, что нет плохих наций, только люди, но Умаров отталкивал. Пару раз я ловила его взгляд на себе, и дрожь пробирала. Меня частенько глазами раздевали, но никогда так откоро-

венно, показывая невербально, что сделать со мной хотят. А ведь наши дочери дружат, и с Мариной у меня дружеские отношения. Ненавижу предателей и изменников! Я, конечно, не говорила подруге (да и нечего предъявить по факту, может, воображение разыгралось), но его требования к жене и дочери иногда шокировали.

– А твой куда убежал? – поинтересовалась Марина, оглядываясь по сторонам.

– Ужин с кем-то из чиновников. Со стройкой на Пресне решают, – я улыбалась, а по позвоночнику холодок пробежал. Странное чувство преследовало. Как волокита с проектом началась, мне тревожно. Каждый день тревожно. И ночью. Особенно ночью. Вадим постоянно на взводе: нервный, скрытный стал. Не рассказывал ничего. Раньше делился проблемами, чтобы выговориться и поорать, а сейчас очень скупое объясняет, по верхам.

Гложет его что-то, а меня подпускать не хочет. И цветы настораживают. Вадим часто присылал букеты, но в этих тюльпанах горечь чувствовалась. Словно извинялся за что-то. Я тряхнула головой, отгоняя дурные мысли. Наверное, взятки раздает и качает с правительством. Почему нельзя просто давать бизнесу развивать экономику? Почему нужно требовать деньги, а не дашь отжимать или банкротить? Я обожаю Россию, но мне грустно, что дела у нас делаются через сплошные распилы.

– Я видела проект! – воскликнула Марина. – Шикарный комплекс получится. Я бы переехала на Пресненскую набережную.

– Там уже раскупили квартиры, – ответила я. – Только фундамент залили, а уже все распродано.

Именно поэтому Вадим и носился так. Сроки поджимали. Надеюсь, сегодня решит этот вопрос и успокоится. Мне муж здоровый нужен, а не невротик.

Я прикусила губу, вспомнив обещание отработать ночью отлучку. Нужно подготовиться и поразить его пикантным сексом. Давно мы не экспериментировали. В последнее время это особенно остро чувствовалось. После экспромта в душе месяц прошел, и тишина...

– Мам, мы пойдем в Рибамбелли? – девочки освободились и, переодеваясь, прыгали вокруг нас.

Ника смешно коверкала название семейного ресторана во Временах года***. Там действительно здорово: и детям, и взрослым. Но сегодня поздно уже, завтра в школу.

– Давайте на выходных. Будете целый день веселиться.

– Я столик закажу. Сейчас мы не сядем в нормальном зале, – согласилась со мной Марина.

– А папа где? – спросила Ника, когда мы вышли из раздевалки.

– Ему по работе нужно было отъехать. Скоро вернется.

– Мы успеем поиграть с ним? Как думаешь?

Я посмотрела на часы и открыла дверь новенького «Порше Макан» бирюзового цвета, который Вадим неожиданно презентовал на День Влюбленных. Полдевятого, вряд ли успеет, тем более я планировала дочь спать уложить до десяти, чтобы мужем заняться.

– На выходных поиграете, ладно?

– Ага, – ответила, в планшет уткнувшись.

– Ника, десять минут! – я была неумолима и категорична. Я ж мать! Посмеялась над популярным мемом и выехала на Лужнецкий проезд.

Ника искупалась и к десяти уже спала, а я готовилась. Вадиму позвонила, чтобы примерно узнать, когда ждать, но он не ответил. Прикинула, что встреча в восемь, значит, часов в половине одиннадцатого должен приехать.

Я приняла душ, макияж смыла и наложила новый, сделав акцент на губы. На волосы мерцающий крем нанесла и расчесала до блеска, чтобы волосок к волоску. Они покрывалом волшебным спину укрыли. Тело смазала шиммером с запахом ванили и дыни. Никакого белья только кружевное боди мягкого нюдового оттенка, новое. На шею алый чокер в тон губам, с эффектным кольцом ровно посередине: он добавлял сексуальности и мог использоваться как

кляп-кольцо. Для доминантного минета. Мы им не пользовались год точно, пора возвращать разнообразие в интим. Одомашнились мы.

Я достала из гардеробной коробку с нашими постельными игрушками. Убрали, когда Ника в пять лет достала из моей тумбочки виброяйца. Спрятали от греха подальше, чтобы у детсадовского психолога не нарисовала что-нибудь эдакое. Как с глаз исчезли, мы все реже ходили за ними, обходясь тем, что под рукой есть. Вадим до оргазма доводил меня легко, не важно член, пальцы или язык, но вообще ему нравилось экспериментировать и штуки в меня разные вставлять. Любил жесткий минет, чтобы слезы из глаз, до хрипов в горло, анал, но с ним всегда осторожен, и, естественно, старую-добрую позу «раком». Сегодня я готова все позволить.

В одиннадцать снова позвонила, но ответа не получила. Сообщения в мессенджер даже не доставлялись. В полночь, отчаявшись дозвониться, умылась, оделась в привычную сорочку и принялась ждать. Никогда не могла уснуть, если мужа дома не было. Волнуюсь очень. Вот и сейчас меня кидало от упреков «мог бы позвонить, предупредить», до желания начать обзывать больницы. Банально и, наверное, глупо, но мысли всякие лезли.

Я с телефоном устроилась в своей уютной лоджии, окна которой выходили на Патриаршие пруды, и принялась вниз смотреть, фары каждой машины исследовать.

– И задам же я тебе трепку, Полонский! – пригрозила телефону, когда в очередной раз услышала «телефон абонента выключен, или находится вне зоны действия сети». Не успела крепко разозлиться, как замок входной двери тихо щелкнул. Наконец-то!

Я быстро пересекла кухню и через боковую дверь столовой, минуя гостиную, вышла в длинный коридор. Вадим порывисто пиджак снимал, спина напряжена, вены на руках вздулись, а когда шальной взгляд в полумраке поймала – внутри оборвалось что-то. Плохое предчувствие. Очень. И запах духов женских в воздухе витает, как темный ангел отчаяния. Нет. Нет! Не может быть этого!

Глава 3

Вадим

– Устрицы, икра, крабы... Пытаетесь поразить меня, Вадим Александрович? – Вика продолжала играть нашими именами, что-то вроде ролевых игр в служебный роман. У нас есть деловые отношения, и вполне мог случиться роман. Искушение велико неимоверно, и я из последних сил не игнорирую сдерживающие факторы. И это пиздец как сложно. ПИЗДЕЦ!

– Сомневаюсь, что тебя можно этим поразить, – тонко улыбнулся я, кивнув официанту повторить для нее коктейль.

– А как думаешь, чем? – сегодня она флиртowała и кокетничала много больше, чем за все время нашего возобновленного общения.

Я прошелся по красивому лицу, губам ярким и остановил тяжелый взгляд на сексуальном вырезе элегантного платья. Чем Викторю Зимину можно поразить? Затрахать до потери сознания, чтобы захлебывалась оргазмом, добавки просила... В брюках ствол шевельнулся, оживая, набухая, крупной головкой болезненно боксеры натягивая.

– Принесите десерт для дамы, – велел, когда официант у стола по щелчку материализовался. Вика носик сморщила и губы надула, копируя московских эскортниц.

– Что желаете?

– Мильфей, черемуховый торт? – иронично предположила она, перечисляя меню «Сахалина». – Или Вагаси «Моти»?

– Печенье с вареной сгущенкой. Удивил?

– Прекрасный выбор, – отметил официант и удалился, а Вика весело рассмеялась.

– Ты всегда умел удивлять, – тихо ответила, подняв на меня глаза зеленые, позволив поволоку тоски увидеть в них.

– Если я такой удивительный, отчего же ты уехала, а, Вик? Правду скажешь? – криво усмехнулся.

Она плечами неопределенно пожала, не торопясь с ответом.

– Давно это было, Вадим. К чему прошлое ворошить?

– А мы не ворошим его разве уже месяца три? Нет?

– Не нужно так, – мягко произнесла. – Я старалась быть чиновником, у которого со всеми партнерами одинаково деловые отношения. Ты ведь тоже не страдал без меня все эти годы. Женился, ребенка родил. Или не счастлив в браке? – и пытливо в глаза заглянула.

– Счастлив, – я был немногословен и врать не собирался.

– Тогда чего ты хочешь, Вадим? – она устало волосы медные на спину откинула. – Что нужно тебе?

– Ты знаешь, – тихо шепнул. – Ведь знаешь?

– Знаю, – высокомерно и обиженно, совершенно по-детски подбородок вздернула. – Расчетливый альфа-самец пресытился своей законной самочкой и пустился во все тяжкие в поисках разнообразия.

– Очень грубо.

– Зато правда!

Это не правда: к Вике у меня определенно больше, чем тупая похоть, но не готов пока громких заявлений делать. И не ходок я совсем.

– Это не так, – покачал головой. – Я никогда Кате не изменял.

– Похвально, – удивленно хмыкнула Вика. – Таких, как ты, сложно у юбки удержать. Наверное, жена у тебя особенная... – и посмотрела выразительно.

Я не хотел говорить о Кате. Это было лишним. Это даже звучало кошунственно.

- Давай потанцуем?
- Здесь не танцуют, – изумленно нахмурила лоб Вика.
- Мы будем первыми.

Я помог ей подняться и повел чуть в сторону от нашего дивана. Место между столиками было достаточно, а современные люстры светились мягким интимно-красным. Мы плыли среди круглых островков, каждый из которых жил своей маленькой жизнью. Никто не смотрел и не осуждал нас за то, что этикет нарушили. И густого магнетического напряжения не замечал, а мы дрожали от жаркой близости, от страсти запретной, желания дикого.

Я возмутительно крепко прижал сочное женственное тело, ни миллиметра между нами не оставил. На губы манящие смотрел зверем голодным, поцеловать хотел, но держался из последних сил. А Вика дышала прерывисто и рвано, слегка извивалась, о пах терлась. Мой член напряженный в живот ей упирался, и она знала, что это не пряжка ремня. Вика могла остудить меня, ударить, послать, но она в глаза смотрела, манила за собой.

– Я отвезу, – дверь перед ней открыл, устроиться в машине помог. Мы не сказали друг другу ни слова больше, просто вещи взяли, я счет закрыл и увел ее из людного места. Время за полночь было, но я совсем не следил за ним. Телефон отключил к чертям. Отсек от себя все, что с моей хмельной страстью не связано.

Я пролетел Крымский мост и через пару минут плавно вошел в поворот, притормаживая у свежих апартаментов на Ленинском.

– Приехали, – оборонила Вика и ко мне повернулась. – Спасибо за ужин, Вадим Александрович...

- Пригласишь? – спросил, взглядом гипнотизируя.
- Не стоит, – хрипло выдохнула и губы облизнула.
- Вика... – я не выдержал и к ней потянулся.

Пиздец моей выдержке. Она задрожала вся, шумно сглотнула и на поцелуй ответила. Страстно, напористо. Тоже извелась и изголодалась за эти месяцы. Мягкие, пухлые, медовые губы – везде их чувствовать хочу! Но пока не светит – слишком много одежды. Я сорвал с плеч норковое манто, пышную грудь нащупал и сдавил яростно, не в силах сдерживаться.

– Вика, ты с ума меня свела. Снова... – шептал рвано, снимая оборону. Горит девочка вся, и я погибаю в ней.

– Вадик... – выдохнула рвано. Меня чуть дернуло – не люблю, когда имя сокращают. А Вика тем временем рукой пах огладила, через брюки член лаская. Пусть называет, как хочет. Ей сейчас все можно.

Я руку под юбку запустил, кожу нежную огладил, к трусикам подбираясь. Мокрая вся, горячая.

– Нет, нельзя, – она сжала бедра, меня оттолкнула, лихорадочно одежду поправляя. – Нельзя так! Ты женат!

– Блядь, – я по рулю со всей силы ударил. Вика ушла. Со стояком оставила. Пьяным от страсти и агрессивным от похоти. Черт! Я резко газ выжал. Домой приехал за семь минут и почти не нарушил ПДД. Рекорд. На часах почти час ночи – задержался я на деловой встрече знатно.

- Где ты был? – Катя появилась в прихожей, когда я пиджак срывал. – Я звонила...

Я ее не слышал. У меня до сих пор шум в ушах, и кровь исключительно в паху сосредоточилась, а рядом женщина, красивая и тоже желанная! Она может подарить удовольствие и так необходимую разрядку.

Жена меня никогда не встречала в огурцах и бесформенном халате, но и во все оружия не была, как роковая соблазнительница. Вот чем отличалась та, что поймала мужика от той, что ловит: на вторую встает по щелчку, на первую после двух.

– Кать, – я притянул ее, в густые волосы носом зарылся, нежную кожу на шее прихватил. Домашняя, теплая, в аромате коньячной сладости. К стене прижал с силой, ноги на пояс закинул, коротенькую шелковую фиговину задрал. Мы не часто за пределы кровати выходили, да и там уже не так рьяно долг супружеский исполняли. Хорошо было, но обыденно как-то. Но сейчас я и за миссионерскую позу благодарен буду. Если не спущу – умру от спермо-удара.

Я трусики вниз потянул, лобок гладенький сжал. Катя у меня ухоженная, как кошечка породистая. Мне позавидовать можно. Я и сам себе завидовал, но... Блядское «но»!

– Дим, перестань. Вадим! – Она неожиданно грубо оттолкнула меня. Что за забастовка?! Неужели любимый муж доступ к телу не заслужил?! Бабы, блядь.

– Еще и ты мне не дашь?! – в сердцах бросил и ягодицы сжал агрессивно. Впечатался в нее напряженным пахом, чтобы поняла, насколько я готов!

– Что ты сказал? – тихо ахнула Катя. Я не ответил. – Дим?

– Ты слышала, – грубовато проговорил и на ноги ее поставил. Оправдываться и идти на попятную ни в моем характере. Иногда это идет во вред. Вот как сейчас. Блядь.

Катя подошла, к груди моей прикоснулась, затем длинный медный волос на уровень глаз подняла. Она у меня блондинка, так что ложь здесь не прокатит. Дважды блядь.

– У тебя есть кто-то?

Интонация такая, что меня затопило чувство стыда, и я смущенно отошел, волосы короткие взъерошив. Странно, но я никогда не умел врать жене. Юлить и выкручиваться приходилось в бизнесе, особенно, когда дела с государством ведешь. А Кате не мог.

– Да, есть, – коротко и закрыто. Не хочу сейчас разборок. Я их в принципе не хочу, но во втором часу ночи в особенности.

Катя во все глаза смотрела на меня, с неверием и страхом. В воздухе зрело напряжение, а между нами отчуждение. Поэтично, но ни черта не романтично. Я дернулся к ней: объяснить нужно, слова забрать назад. Соврать, что не то имел в виду. Но слово, увы, не воробей.

– Кать, я не то...

– Мама! – пискнула из детской Ника. – Мам, можно к вам прийти? Мне страшно.

Я резко голову вскинул. Катя тоже отмерла.

– Я иду, дочь, – крикнула она и на меня обреченно посмотрела: – От тебя духами несет.

Она ушла, а я, оглушенный вязкой тишиной, в душ пошел. Смыл с себя пряный аромат Вики, но и дурман опьяняющий, и грязные мысли остались при мне. Член чуть прижух, но это по любому временно.

В спальне Кати не было. Я в детскую заглянул, но звать не стал. Не хочу Веронику будить, потом точно из нашей кровати не выгоним. Лег и телефон взял. Думал с минуту и набросал сообщение:

Что ты со мной сделала? Не могу о тебе не думать...

Детский сад, конечно, но ей будет приятно. Не прошло и десяти секунд, как ответ прилетел. Не спит еще.

А я о тебе...

Что же не дала?! Может, сейчас меня не вело так сильно влево. Попустило бы! Этого, конечно, писать не стал. А теперь только прочить в ванной, помочь моим страданиями некому.

Надеюсь, проблем дома не было?

Я хмыкнул невесело и, удалив сообщения, поставил телефон на зарядку. Катя так и не пришла. Чувствую, завтра меня ждет «шикарное» похмелье после сегодняшних откровений. Меня это не пугало, разберемся как-нибудь. Катя вспылить может, но отходит быстро. Ну не уйдет же от меня! Я хмыкнул даже. Абсурд. Я подождал еще с полчаса, потом сон сморил.

Будильник заорал как-то совсем не вовремя. На часах полвосьмого – значит, правильно все, тогда почему хреново так? Глаза разлепил окончательно и подушку под спину положил. В груди тянуло тревожное чувство. На соседнюю половину кровати взглянул мельком – жена, значит, обиделась серьезно. Я задумался, перебирая события вчерашнего дня, да и все месяцы, что мечусь я.

Вика меня очаровала. Тянуло к ней неистово. Возможно, я даже влюбился в нее заново. Всколыхнула она во мне юношескую бесшабашность со свойственными молодости увлечениями и страстями. Захотелось снова на ринг выйти, первую победу на вкус попробовать, девок за задницы щипать и под луной тискаться. Вот только в свете зимнего утра желания плоти, как и воспоминания о былом, казались не такими значимыми, как еще вчера. Достаточно ли сиюминутных хотелок, чтобы семью на них разменять? Готов ли я Катю мою так обидеть? Пока еще наяву непоправимого не случилось, только в мыслях моих изменяю ей денно и ночью. Вике тоже голову морочу: вниманием, подарками, страстью яростной. Я кругом виноват, признаю. Только выхода не вижу. Трахнуть бы Зимину и с Катей душа в душу жить. Но я не уверен, что на этом дело кончится. А жить на два дома – боже упаси! Развод в принципе не мой вариант, я люблю жену и обожаю дочь. Дети должны в полных семьях жить. Патовая ситуация. Сука, хоть член отрезай и евнухом становись!

– Папа, я проснулась! – дочка пушистым клубком запрыгнула сверху.

– Земляника, ты же раздавишь меня! – пресс у меня каменный (спасибо боксу), а вот с реакцией уже похуже. – Тебе восемь, а весишь на все девять, гимнастка пончиковна!

В ответ она еще больше елозить начала костями своими. Ника у нас спортсменка, вся из углов состоит: худая, длинная, хорошенькая. На Катю похожа. От меня только глаза серые.

– Мама где?

– Завтрак готовит.

– А ты зубы почистила?

– У-уу, – занудела.

– Давай бегом. И мне нужно вставать.

К завтраку вышел полностью одетым и готовым выезжать. Убегать не собирался, нам с Катей реально поговорить нужно. А еще поесть. На всю квартиру аромат выпечки стоял, а в столовой уже накрыто к завтраку. Катя была хорошей хозяйкой: убираться не любила – на это есть люди специально обученные, – а вот на кухне богиней была. Мишленовские рестораны нервно курят в сторонке. Я схватил хрустящий кусок хлеба, щедро ароматным маслом намазанный, и кусочек лосося вилкой подцепил.

– Вкусно? – спросил у довольной дочери, уплетавшей такой же ломоть только с нутеллой.

– Ага, – сказала и в телефоне залипла.

– Поменьше с гаджетами, – предупредил по-отцовски и на кухню пошел. Пахло кофе и обидой. Это я сразу понял. Катя возле кофемашины стояла, задумчиво глядя на зимний рисунок за окном. Тучи висели низко и грозно. Если бы я был атлантом, то мог бы положить на плечи небо, но я всего лишь человек.

– Привет, – я подошел сзади, поцеловать хотел по привычке. Не вышло. Увернулась она. В узких джинсах и мягком свитере, волосы длинные на плечо переброшены. Пахнет килиановским ангелом¹, обожаю этот аромат. Сам дарил. У меня он ассоциировался с дорогим горячим

¹ Angels' Share By Kilian (Доля ангела) – селективный, нишевый аромат от Килиан, из линейки «The Liquors», посвященной алкогольным напиткам. Коньяк Хеннесси.

сексом. Катя поэтичней была в метафорах: роскошная и красивая сексуальность, откровенная, но не пошлая. Она у меня и сама воплощение красоты и изящества, но сегодня грустная очень. Из-за меня все.

– Ника опять своих «Винкс» смотрела? – поинтересовался буднично, сбавляя градус. Дочка любит этих фей, а потом сны со всякими Вальтерами и Тританусами сняться. Я уже спец в детской анимации.

Катя повернулась и в упор на меня посмотрела. Темные глаза в окружении густых черных ресниц мерцали гневно, а взгляд завораживал, цеплял, будто насквозь видел. Иногда казалось, что она мысли читать может. На то и поймала десять лет назад. Красотки возле меня пачками вились, но смотрела в душу только Мальвина, гордая, дерзкая, принципиальная.

– Молчать будем? – сухо проговорил, кофе глотнув. Естественно, и взгляды ее, и красота стали привычными – девять из десяти лет женаты, – но это не значит, что разлюбил жену.

– Мам, ну что мы едем? – крикнула из столовой Ника.

– С дядей Мишей поедешь сегодня, ладно? – спросил и набрал водителя. – Миш, поднимись, возьми Веронику. Катя сегодня дома останется.

Она не возражала. Понимала, что нужно решить все, пока обида в дверь проходит.

– Кать... – позвал, когда вдвоем остались. Она так и не проронила ни звука, только с дочерью попрощалась.

– У тебя есть женщина? – очень спокойно уточнила. Говорит – уже хорошо.

Конечно, можно было соврать, придумать что-то, но не прокатит. С Катей точно. Я любил ее и не изменял раньше... Я и сейчас, по сути, не изменял! Но хотел: что есть, то есть. Я и сейчас Вику хочу, даже будучи практически пойманным. Перед собой нужно честным быть. И перед ней тоже.

– Да, – признался, взгляд не пряча. – Я увлекся... – поколебался мгновение и полуправду сказал: – Коллегой.

Знать, что Виктория Зимина – привет из прошлого, любовь моя первая, не нужно Кате. Это на мысли нехорошие (правдивые) натолкнет однозначно.

– Понятно, – бросила она и ко мне повернулась, так чтобы в глаза мои бесстыжие смотреть. Допрос сейчас будет. Жена у меня мягкая, но характерная. – Помнишь, мы под утро по набережной шли и рассуждали об отношениях? – неожиданно спросила. Не было расспросов: что за баба? Спал ли с ней? Серьезно ли? Это настораживало, если честно. Не люблю сюрпризов.

– Не помню, мы многое обсуждали, – на самом деле помнил. Катя в девятнадцать была максималисткой с гипертрофированным чувством справедливости – ее словесные изыскания были мне совсем не близки, но интересно было.

– Я говорила, что никогда не прощу измену, а ты утверждал, что если из-за каждого тупого траха разводиться, то в Москве ни одной семьи больше трех лет не существовало бы.

Да, есть такое. Мне было двадцать пять, и я всегда делил мир на черное, белое, серое и очень редко цветное. Я и сейчас так думал. Нет, левак нихрена не укрепляет брак, но если случилось, то нужно конструктивно к вопросу подходить.

– Ну допустим, – сухо ответил. Пока, признаться, я не очень хорошо понимал, куда моя жена клонит.

– Тогда ты примешь мое решение.

Я нахмурился, а сердце пару ударов пропустило. Что удумала Мальвина моя? Неужели к маме уедет, устроив мне показательную порку?!

– Я уйду от тебя.

– Что?! – я даже рассмеялся. Ну бред же. БРЕД! Не верю! – Куда, позволь спросить?

– Не беспокойся, не пропадем.

Я внимательно пригляделся к жене. Ни намек на игру в обиженку: уговаривай меня, прощения проси, на колени, пес смердящий! Все признаки возможного скорого примирения отсутствовали.

– Ты серьезно сейчас? – на всякий случай уточнил.

– Серьезно.

– Кать, ну прости, – ладонь тонкую поймать попытался, не вышло. – Хочешь на коврике в прихожей с Баяном спать буду, м? Не хочу жить без тебя даже день.

Угроза даже временного расставания поубавила либидо мое. Вику отбросило за границы моих приоритетов.

– Вадим, ты не понял: я развестись хочу. Увлекающийся муж мне не нужен!

Вот теперь я натурально охренел. Нет, я охуел! Что она хочет?!

– Кать, это реально не смешно.

– А где ты видишь веселье?! – всплеснула руками она. – Не ври, что увлекся только вчера! Ты последние несколько месяцев сам не свой. Я думала это работа, а это... Это коллега! – горько припечатала. – Ты думаешь, я дурочка совсем? – спросила тихо. – Не вижу перемен в тебе?

Ебанный в рот. Какой же я мудила конченный. Пока варился в страстях низменных, родная девочка моя страдала, беду предчувствуя.

– Я не дам развод, – рубанул жестче, чем нужно было. – Не отпущу тебя. Ты моя жена. Ты моя, Кать!

– Я не спрашиваю разрешения, – она тоже на повышенные перешла. – Я перед фактом ставлю, Дим!

Я сглотнул, успокаивая бешеного зверя, голову из глубин моей сущности поднявшего. Мое забрать хотят. Жены и дочери – семьи лишить! Не отдам!

Я со свистом воздух из легких вытолкнул и с другой стороны зайти попытался.

– А Ника? Для нее это большой стресс будет. Я не хочу подрывать ее психическое здоровье. Дети должны расти в любви и полной семье.

– Семья, где папа ночами пропадает, а мама плачет – плохая экосистема. Я не хочу жить вместе только ради ребенка. А еще не хочу каждую отлучку или позднее возвращение истерить, представляя тебя с любовницей. Ревновать к каждой юбке в твоём офисе. Я не смогу так, Вадим! Не выдержу долго!

– Катюша, – я обнять ее попытался, почувствовать снова. Боль, которую сам же причинил, забрать, но она на другую сторону кухонного островка убежала. Не желала моей близости, – я не изменял тебе.

Сука, я даже не трахнул Вику, а отгребая по полной!

– Правда? – склонила голову на бок и взглядом жгучим прошила. Я смутился и с глухим звуком кружку на стол поставил. Наелся и напился уже.

– Остынь, Катя. Вечером поговорим, – буркнул и убежал. Не могу с ней такой говорить! Мне и злиться, и прощения просить одновременно хочется! Голову остудить нужно. Жену понять и себя заодно.

Глава 4

Катя

– Мяу, мяу! – Я вострепелась, когда кот о ногу ластился начал. – Мяу!

Голодный. Вместо того, чтобы бежать корм насыпать, я взяла его на руки, в рыжую шерсть лицом уткнулась. Британская шиншилла, подаренная Нике на пятилетие, стала котом Баяном. Нежным и ласковым, но с характером, естественно. Его Дим подарил. ВаДим. Вадим...

– Почему тебя Дым называют?

– Я петарду в классе поджог и бросил в ведро с мусором. До сих пор помню, какой дым повалил. Так и привязалось.

– Я думала из-за цвета глаз.

– Пацанов мои глаза мало волновали.

– Тогда я буду называть тебя Дим, за глаза.

– Я согласен, моя Мальвина.

– Я не твоя, Полонский, – напомнила строго.

– Ну это пока...

Дим... Нет его больше. Я позволила Баяну прыгнуть на пол и на автомате корм взяла, заметила, что руки от дрожи не слушаются и глубоко размеренно задышала. Вчера первый за год приступ астмы накрыл: я полагала, что практически излечилась, ушла в легкую сезонную аллергию. Я ошибалась. Во многом ошибалась.

Ночь провела бессонную, в голове прокручивала сцену в прихожей. Каждое слово Вадима разбирала и себя препарировала. Поверить не могла. Разве так бывает? Бывает в счастливой семье?! Нет, с кем-то возможно, но не с нами! Мы же любим друг друга! Я усмехнулась горько. Любили. Наверное, каждая женщина думает, что с ней такого быть не может, ведь верилось в долго и счастливо.

К зеркалу подошла, в отражение взглянула – я смогла сдержаться, не удариться в истерику. Не накрыло меня еще. Осознание не заполнило душу. И перед Вадимом хотелось сильной быть, гордой и знающей себе цену. Он такую меня полюбил, а не слезливую кисейную барышню. Возможно, всколыхнется в нем что-то. Я не поверила его заверениям в любви. Это страх потерять привычное. А вот осталась ли яркая искра ко мне? Ответ еще предстоит выяснить. А что потом? Не знаю, совсем не знаю. Я уверенно и жестко заявила о разводе, но не готова к нему морально. Как к этому подготовиться можно?! Моя жизнь в одночасье изменилась, то, что создавалось годами рухнуло в момент. Всего три слова и предлог...

У меня есть другая...

– Дикость какая, – шепнула, взглядом свою крепость оглядывая. Вот моя кухня с моей посудой, бокалами и множеством ваз и вазочек – люблю я их в интерьере! В спальне мое белье и подушки, а в ванной моя мочалка! Только муж больше не мой! Это сложно в голове уложить, а сердцу принять нереально просто!

Когда же это случилось? Где я ошиблась? Оступилась в чем? Когда внимание его утратила, что на других женщин смотреть начал? Я всегда красивой быть старалась, ухоженной, подтянутой. Фитнес, спа, салоны красоты, шмотки стильные, сексуальные, модные. Разной для Вадима хотела быть. Я развивала Нику и развивалась вместе с ней. Даже четвертый язык выучила. Мне они легко давались, а учеба в институте привила любовь к ним. Я пыталась быть

не скучной, не тупеть с годами, общественные инициативы поддерживала, чтобы занятой и для мужа в том числе быть. Чтобы ждал порой, как я жду.

Мои труды даром не пропали. Я ведь не затюканная домохозяйка, я могу нравиться мужчинам. Вадиму льстило, что на меня заглядывались. Его самолюбие еще больше вверх устремлялось от понимания, что для меня только он желанен. Мой муж в этом уверен был на тысячу процентов. И прав был, прав. Пусть мы переступили этап влюбленности, экстаз новизны утратили, но страсть не иссякла. Она сменилась глубоким осознанным чувством. В нашей постели больше не было неожиданных фейерверков, но было единение тел: когда знаешь каждую клеточку, каждый миллиметр плоти и безошибочно уносишь партнера к звездам. Да, о полигамности мужчин не слышал разве глухой, но помимо звериных инстинктов покрыть большинство самок, есть базовая потребность любить и быть любимым. Возвращаться в дом, где тебя ждут и принимают, выслушают и помогут. В богатстве и бедности, болезни и здравии, в горе и радости. У нас осталось только горе.

Я истерично рассмеялась и успокоиться минуты две не могла. Вадим даже не пытался оправдываться, прощения просил сухо. Семью сохранить хотел, естественно, но там лейтмотивом: мое, моя, хочу! А я на искренность надеялась. Молчала, не подталкивала, но ждала. Такие вещи должны из души литься без толчков в спину, только тогда им вера есть. Расскажи все, поделись своим грехом и смятением, и вместе решим, как быть дальше. Есть ли в принципе, что спасать? Я не святая и могу с плеча рубануть, но я не такая максималистка уже, чтобы из-за подозрений и фантазий, пока ничем не подкрепленных, разводиться. Возможно, еще не произошло самого страшного – измены сердечной помноженной на деяния плоти. Возможно...

Я увлекся коллегой...

Поверила бы, что за рамки ненамеренного влечения, не подкрепленного физиологией и душевной привязанностью «это» не вышло? Не знаю. Простила бы, если покаялся бы? Не знаю. Пока Вадим уехал думать. Вполне возможно, думать: любит ли меня, или новое чувство успело дать всходы, корнями в сердце прорасти. Если любовь умирает, то происходит это именно так: атрофируется с годами, а когда время приходит, отпадает, как хвост у ящерицы, за который дернули случайно. Или, наоборот, неслучайно? Но рана кровоточащая в любом случае будет...

– Мам, – после короткого гудка сказала я, – ты на работе? Можно приехать?

Через пять минут я уже мчала в Боткинскую больницу. У меня мама заведующая онкологией там – знает, как людей утешать, а мой случай не самый тяжелый. Для вселенной, естественно, для меня – полнейшая катастрофа.

Мама, как назло, нашлась в ординаторской, обычно гудящей медицинским персоналом. Я коротко постучала, вошла, быстро обстановку оценила: кроме нее, уборщица баба Тая – сто лет работает здесь. Как и мама.

– Здравствуй, Катюш. У тебя что-то срочное? У меня обход в стационаре через десять минут, – спросила врач с ног до головы Нина Михайловна и снова в компьютер уткнулась. На работе она в первую очередь доктор, а потом уже жена, мать, бабушка.

– Мам, – пискнула я и не сдержалась – заплакала.

– Катя! – ахнула она.

– Матерь божья, – услышала возглас бабы Таи.

Через секунду меня обнимали родные руки, заботливые, материнские.

– Девочка моя, что случилось? Ника? Вадим? – она гладила меня по волосам, таким же светлым, как у нее, успокаивающе, ласково. Она столько раз людям плохие новости говорила, что готова ко всему – ничего не боялась. – Не плачь, Катюшенька. Не плачь.

– Мне Вадим изменяет, – взывала и всхлипывать начала. В красках представила, как он, возможно, делал это. Как ту другую – коллегу – раздевал, тягучими поцелуями распалил, страсть пьянящую пробуждал. Это он умел. Всегда умел.

– Так, пойдем, присядем, – она повела меня к столу. – Баб Тая, чайник щелкните.

– Конечно-конечно, – сказала та, а потом к нам присела. Любопытно ведь! Чужие проблемы и страдания больше интереса вызывают, чем все счастье мира. Такова уж природа людская.

Мама гладила меня по руке, пока рыдания не утихли, и платок подала, чтобы нос вытереть. К тому моменту чай подоспел и баранки какие-то.

– Что там у вас произошло?

Я достаточно подробно передала наш разговор с мужем. Может, подскажут что-то. Говорят же, что со стороны виднее. Да и опыта у слушателей побольше моего.

– Ты точно решила, Кать?

– А что ты предлагаешь? – всполошилась я. – Простить его?!

Конечно, не точно! Но я хорохорилась.

– Кать...

– Мам, он даже не просил об этом! Он просто свое отдавать не хочет. Будто я вещь, ему принадлежащая!

– Ты этого не знаешь наверняка, – мягко парировала она. – Жизнь – она, знаешь, разная бывает. Поверь, я многое повидала: мужчин, которые бросали жен после мастэктомии, и тех, кто из последних сил боролся за возможность рядом хотя бы лишний день побыть. Немного разбираюсь. Вадим – не самый плохой человек.

– Человек, да, но не муж! – в сердцах отрезала. Хотя Вадима нельзя было назвать козлом, по крайней мере до последних событий.

– Он тебя бьет? Много пьет? Тунеядец? – это уже баба Тая спросила.

– Нет, конечно, – нахмурилась я. Вадим – мужчина. Мужчина в самом верном понимании этого слова. Совсем не принц, далеко не идеал, но от него такая бешеная энергия исходила, магнетизм истинно первобытный. Он даже пах какой-то дикой самцовостью и дело не в N24 от «Hermes», которым пользовался на протяжении многих лет (раньше мне казалось, что мой муж постоянен не только в выборе парфюма. Ключевое слово «казалось»).

Вадим из тех, на кого женщины охотятся. Специально добывают приглашения на званные вечера, благотворительные мероприятия и экономические форумы. Красивый, богатый, умный, жесткий и властный. С дымчато-серыми глазами, загорелым тренированным телом и невероятно чувственными губами, изогнутыми в форме древнего лука. В самом расцвете мужественности и на вершине бизнес-успеха. Таким невозможно отказать и еще сложнее удерживать. А я отказывала и посылала на все четыре стороны много-много раз. Такие, как Вадим Полонский, в протестные девятнадцать меня только отталкивали. Я была юной максималисткой, примеряла на себя разные социальные формы и судорожно искала свою личностную идентичность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.